

# ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНИЕ

Научный журнал  
Санкт-Петербургской Духовной Академии  
Русской Православной Церкви

№ 1

2021

---

*Д. Г. Добыкин, В. А. Капитонов*

## **Жизнь и взгляды Иоанна Габлера**

DOI 10.47132/1814-5574\_2021\_1\_156

*Аннотация:* Статья посвящена жизни и воззрениям Иоганна Филиппа Габлера (1753–1826) – немецкого протестантского либерального богослова, труды которого сформировали современный подход к библейскому богословию как к науке, рассматривающей учения Библии в их историческом развитии. Публикация состоит из перевода самого знаменитого текста Габлера – его речи «О различии библейского и догматического богословия и о правильном определении целей обоих», которая стала программным текстом для библеистики, биографического предисловия и комментариев к некоторым местам его речи.

*Ключевые слова:* Иоганн Габлер, библейское богословие, библеистика, история библеистики, протестантское богословие, либеральное богословие, «De iusto discrimine theologiae biblicae et dogmaticae regundisque recte utrisque finibus», «О подобающем различении библейского и догматического богословия и о правильном определении целей каждого из них».

*Об авторах:* **Дмитрий Георгиевич Добыкин**

Кандидат богословия, доцент кафедры библеистики Санкт-Петербургской духовной академии.

E-mail: [sravnika@yandex.ru](mailto:sravnika@yandex.ru)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5401-9071>

**Владислав Алексеевич Капитонов**

Выпускник магистратуры Санкт-Петербургской духовной академии, студент Галле-Виттенбергского университета (Германия).

E-mail: [kapitvlad@gmail.com](mailto:kapitvlad@gmail.com)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8841-8054>

*Ссылка на статью:* Добыкин Д. Г., Капитонов В. А. Жизнь и взгляды Иоанна Габлера // Христианское чтение. 2021. № 1. С. 156–167.

**KHRISTIANSKOYE CHTENIYE**  
**[Christian Reading]**

**Scientific Journal**  
**Saint Petersburg Theological Academy**  
**Russian Orthodox Church**

**No. 1**

**2021**

---

*Dmitry G. Dobykin, Vladislav A. Kapitonov*

**The Life and Views of Johan Gabler**

DOI 10.47132/1814-5574\_2021\_1\_156

*Abstract:* The article is dedicated to the life and views of Johann Philip Gabler (1753–1826), a German protestant liberal theologian, whose works have shaped the modern approach to biblical theology as a field of research that considers the teachings of the Bible in their historical development. The publication includes a translation into Russian of Gabler’s most famous text – his speech “On the Proper Distinction between Biblical and Dogmatic Theology and the Specific Objectives of Each”, which became the guiding text for biblical studies, a biographic preface, and commentaries to some passages of his speech.

*Keywords:* Johan Gabler, Biblical theology, biblical studies, history of biblical studies, protestant theology, liberal theology, “De iusto discrimine theologiae biblicae et dogmaticae regundisque recte utrisque finibus”, “On the Proper Distinction between Biblical and Dogmatic Theology and the Specific Objectives of Each”.

*About the authors:* **Dmitry Georgievich Dobykin**

Candidate of Theology, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Biblical Studies at St. Petersburg Theological Academy.

E-mail: [sravnika@yandex.ru](mailto:sravnika@yandex.ru)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5401-9071>

**Vladislav Alekseyevich Kapitonov**

Master’s Graduate of St. Petersburg Theological Academy, Student at Halle-Wittenberg University (Germany).

E-mail: [kapitvlad@gmail.com](mailto:kapitvlad@gmail.com)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8841-8054>

*Article link:* Dobykin D. G., Kapitonov V. A. The Life and Views of Johan Gabler. *Khristianskoye Chteniye*, 2021, no. 1, pp. 156–167.

Возникновение современного библейского богословия связывают с именем Иоганна Филиппа Габлера. После его известной речи 1787 г. библейское богословие стало пониматься как наука, рассматривающая учения Библии в их историческом развитии. На русский язык речь Габлера не переводилась, хотя, конечно, была известна. Вместе со статьей мы предлагаем первый перевод его речи, которая стала программным текстом для библеистики.



Иоганн Филипп Габлер родился 4 июня 1753 г. во Франкфурте-на-Майне в семье юриста и актуариуса (судебного писца) франкфуртской консистории Иоганна Павла Габлера и Анны Марии Бекер. После окончания местной гимназии в 1772 г. он поступил в университет Йены для изучения теологии. Однако после лекций о философии Готфрида Вильгельма Лейбница и Христиана фон Вольфа у него появились сомнения в своем желании посвятить себя теологии, и только лекции Иоганна Якоба Грисбаха вернули прежнее намерение. Он с повышенным интересом стал изучать все богословские предметы, арабский и сирийский языки (под руководством Иоганна Готфрида Эйхгорна), проповедовал и читал частные лекции

по церковной истории и естественному праву [Bautz].

В 1778 г. И. Габлер получил магистерскую степень за диссертацию «Dissertatio exegetica in illustrem locum Hebr. III, 3–6» и право читать лекции на философском факультете. После окончания университета он вернулся во Франкфурт-на-Майне для сдачи церковного экзамена и продолжения образования. На экзамене он одновременно поразил всех как своей эрудицией, так и своим вольнодумством. Сдав экзамен, он получил разрешение проповедовать и писать статьи в местную газету [Sparr, 2000, 446].

В 1780 г. И. Габлер на три с половиной года стал тьютором в Гёттингене. Там он познакомился с филологом Христианом Готтлибом Гейне с которым потом дружил много лет. В Гёттингене он написал исследование «Dissertatio critica de capitibus ultimis IX–XIII posterioris Epistolae Pauli ad Corinthios ab eadem haud separandis», после чего его пригласили стать профессором философии и проректором высшей гимназии в Дортмунде. В 1785 г. Габлера назначали профессором теологии в университете г. Альтдорф-бай-Нюрнберг, где он получил степень доктора богословия и принял ординацию в диаконы [Steitz, 1878, 295].

В 1785 году И. Габлер женился на Йозине Изабелле Кристине Хофман. Одним из его девятирех детей был Георг Андреас Габлер, который в 1835 г. стал преемником Георга Гегеля в качестве профессора философии в Берлине. Еще двое сыновей Габлера — оба богословы с ученой степенью — в 1831 г. издали посмертно в двух томах небольшие богословские сочинения отца. В первом томе были собраны журнальные статьи Габлера на немецком, а во втором — академические на латинском [Mulzer].

В 1790–1793 гг. Габлер издал в трех томах «Историко-критическое введение в Ветхий Завет» своего учителя И. Г. Эйхгорна с предисловием и примечаниями. Он последовательно был редактором с 1798 по 1800 г. в *Neuestes theologisches Journal*, с 1801 по 1804 г. в *Journal für theologische Literatur*, и с 1805 по 1811 г. в *Journal für auserlesene theologische Literatur* [Henke, 1899, 326].

В 1804 г. И. Габлер был приглашен в Йенский университет на должность профессора богословия, а в 1812 г. стал преемником своего бывшего учителя — Иоганна Якоба Грисбаха. Воспоминания свидетельствуют, что он отличался огромным усердием и ежедневно работал до полуночи.

Иоганн Филипп Габлер скончался 17 февраля 1826 г. в Йене в своем рабочем кабинете, вскоре после прочитанной лекции по догматике, которую закончил словами: «Мы живем здесь в вере, там в созерцании» [Steitz, 1878, 296].

В центре всех трудов Габлера стоит его инаугурационная речь «De iusto discrimine theologiae biblicae et dogmaticae regundisque recte utrisque finibus» («О подобающем

различии библейского и догматического богословия и о правильном определении целей каждого из них»), которую он произнес в Альтдорфе 30 марта 1787 г.

Иоганн Габлер начинает свою речь с утверждения, что все христиане согласны с тем, что Библия, и особенно Новый Завет, является «единственным чистым источником, из которого можно почерпнуть знание о христианской религии»<sup>1</sup>. Чтобы получить целостное знание и надежду на спасение, необходимо обращаться к Писанию. Однако между христианами есть разногласия и разделения. Причин для этого несколько. Во-первых, это частичная неясность самого Священного Писания. Во-вторых, недобросовестная экзегеза — вчитывание в Библию своих мнений или «лакейская манера ее толкования». В-третьих, пренебрежение «к различиям между религией и богословием». В-четвертых, и это самое главное, непонимание различия между библейским и догматическим богословием, что естественно приводит к разногласиям.

По мысли И. Габлера, разницу между библейским и догматическим богословием можно увидеть даже в различии того, на чем они основываются. Основанием библейского богословия служит только Священное Писание. Догматическое же богословие основывается не только на Писании, но и на других источниках, «особенно из сфер философии и истории». Причем Писание в догматике используется для подкрепления системы вероучительных истин и не обращает внимание на конкретные формы раскрытия библейского учения в процессе истории.

Различие видно и в целях библейского и догматического богословия. Библейское богословие показывает, что «священные авторы думали о Божественных материях», и оно непротиворечиво и неизменно по своей сути. Догматическое же богословие, по мнению И. Габлера, изменялось во времени в зависимости от эпохи, места, личности, школы и т. д., подтверждение чему можно легко найти в истории христианства. Возможно, такое противопоставление библейского богословия и догматики он заимствовал у Иоганна Соломона Землера (1725–1791), который считал, что религия имеет дело с универсальными нравственными истинами, теология же является интеллектуальной рефлексией по поводу религиозных истин.

И. Габлер предложил трехступенчатую методологию библейского богословия, при использовании которой возможно достижение богословского единства. Он полагал, что библейский текст имеет одно значение, поэтому при внимательной и тщательной экзегезе возможно описать содержание Писания без уступок богословским пристрастиям. Соотношение экзегезы и догматики он описывал так: «Догматика должна зависеть от экзегезы, а не наоборот, экзегеза от догматики» [Merk, 1984, 1].

Конечно, утверждение И. Габлера о том, что библейский текст имеет только одно значение, весьма спорно. Если обратиться к Евангелию, то видно, что Господь наш Иисус Христос указывал на разные уровни ветхозаветного текста и использовал разные методы толкования. Например, в истории Ионы Он видит не только буквальное поглощение китом пророка, но и прообраз Своего погребения. Так же толковали Писание и апостолы. Например, в 1 Кор 10:1–11 история перехода евреев через Черное море и странствование по пустыне понимается как прообраз крещения и христианской жизни. Поэтому, если считать, что библейский текст имеет одно значение, то будет трудно объяснить некоторые новозаветные и ветхозаветные отрывки.

Габлер утверждал, что прежде всего из библейского текста необходимо выделить явные Божественные учения. Если же они выражены не явно, то нужно выкристаллизовать это учение, сравнивая разные отрывки. При сравнении надо обращать внимание на то, что, хотя все библейские авторы были вдохновлены Богом, они говорили по-разному и поэтому их надо рассматривать не вместе (как делалось бы в догматическом богословии), а различать ветхозаветный и новозаветный период, каждого из авторов и их стили изложения. И. Габлер предлагает различные лингвистические и исторические рекомендации относительно того, как это делать и на что обращать внимание.

<sup>1</sup> Все цитаты приведены из инаугурационной речи И. Габлера.

Сформулировав учение каждого автора, далее необходимо определить, какие идеи были общими для различных библейских авторов. Среди общих идей нужно выделить те, что носят «вечный» характер и поэтому относятся непосредственно к нам, а какие — «временный», т. е. адресованы только людям определенной эпохи или Завета.

Здесь Габлер делает важное уточнение о богодухновенности. Он считает, что на основании здравого смысла можно определить, что в Писании является Божественным (например, учение о спасении), а что — человеческим, т. е. высказано в качестве компромисса с идеями и нуждами конкретного общества или эпохи, например первохристианской общины. В этом мнении прослеживается теория аккомодации И. С. Землера как инструмента, с помощью которого можно отделить суть универсального нравственного учения Иисуса Христа от выражения этого учения в том или ином виде, обусловленном способностью людей древности воспринять это учение.

Из работ И. Габлера видно его неверие в действительность чудес. Однако он считал, что в этих рассказах содержится некая истина, которую нужно объяснить с помощью понятия «миф» [Spang, 2000, 447]. Миф — это не выдумка, не сказка, а, согласно Иоганну Готфриду Эйхгорну (1752–1827), древний («детский») способ описания действительности. Габлер выделяет три вида мифов [Mulzer]:

1. Исторический миф, в основе которого все же лежит историческое событие;
2. Поэтический миф, в котором на передний план выходит художественное творчество;
3. Философский миф, который вырастает из вопроса о мире и человеке. Такими мифами для Габлера были рассказы о творении мира, человека и грехопадении.

Чтобы понять миф, нужно перенестись в положение человека соответствующей исторической эпохи. В древности человек пытался описать природу Бога, Его свойства и действия более многозначно, образно и поэтично. От подобного текста не следует ожидать чистой истории с абстрактными представлениями и соответствующей речью. Поэтому Габлер полагал, что многие библейские тексты необходимо толковать как мифологические, что позволит отличить примитивно выраженные истины от универсальных истин библейского богословия.

Начиная с ранних работ И. Габлер показывал, что библейское богословие должно служить основанием для христианской проповеди и, соответственно, в прикладном отношении способствовать изменению жизни людей [Merk, 1984, 2]. От богослова же, помимо разностороннего научного образования, требовалась благочестивая вера, пронизывающая всю жизнь, примером чему стал сам Габлер.

**Инаугурационная речь проф. Иоганна Филиппа Габлера\***  
**«О подобающем различении библейского и догматического богословия**  
**и о правильном определении целей каждого из них»<sup>2</sup>**  
**Альтдорф. 30 марта 1787 года**

Ваше Превосходительство, господин ректор Академии;  
Ваше Высокоблагородие, господин префект сего города и окрестностей;  
многоопытные и почтеннейшие господа;  
блистательные и заслуженные, прославленные и многоуважаемые профессора всех факультетов;  
достойные патроны, милостивые коллеги,  
и Вы, превосходнейшие представители студенчества как по происхождению, так и по благородству добродетели;  
достопочтенные и несравненные слушатели всех факультетов!

\* Приводится без заключительной части, содержащей формальные благодарности.

<sup>2</sup> Перевод сделан с изданий на английском [Sandys-Wunsch, Eldredge, 1980, 133–158] и на немецком [Merk, 2015, 138–161] языках.

Все, кто предан священной христианской вере, единогласно утверждают, что священные книги, особенно Нового Завета, являются единственным чистым источником, из которого можно почерпнуть знание о христианской религии. Они также утверждают, что эти книги — единственное надежное святилище, к которому мы можем притечь перед лицом неоднозначности и превратности человеческого знания, если мы стремимся к целостному пониманию Божественных материй и если мы хотим получить твердую и непоколебимую надежду на спасение. При таком согласии в сфере религиозных воззрений отчего же тогда возникают поводы для разногласия? Почему существует такой фатальный разлад среди различных направлений? Без сомнений, эти разногласия в некоторой степени проистекают из частичной неясности самого Священного Писания, отчасти из порочного обычая вчитывать чьи-то частные суждения в Библию или же из лакейской манеры ее толкования. Бесспорно также, что разногласие происходит от пренебрежения к различиям между религией и богословием. Наконец, оно возникает из неподобающего совмещения непритязательности и простоты библейского богословия с одной стороны с тонкостью и сложностью догматического богословия с другой.

Разумеется, зачастую Священные книги, рассматриваем ли мы слова сами по себе или тот концепт, что они передают, нередко и во многих местах покрыты глубокой неясностью — и это легко продемонстрировать. Для какого-то места это самоочевидно, а для другого об этом свидетельствует множество бесполезных экзегетических трудов. Причин у такого положения дел множество. Во-первых, сами природа и качество того, о чем говорится в этих книгах; во-вторых, необычность некоторых слов и образа повествования в целом; в-третьих, образ мысли, за завесой времени и обычаев очень отличный от нашего нынешнего; наконец, в-четвертых, небрежение многих людей в отношении подобающего способа толкования этих книг, будь то вследствие древности текста в целом или специфики языка у каждого из библейских авторов. Но перед данной аудиторией не столь важно описывать каждую из этих причин, поскольку самоочевидно, что неясность Священного Писания, каков бы ни был ее источник, служит увеличению числа различных мнений. Такой несчастный рок нашей религии способствовал пагубному стремлению многих приписать даже и некоторые из своих необдуманных и безосновательных идей самим священным авторам. Разумеется, такие люди стараются поддержать свои необдуманные взгляды авторитетом священных авторов. Ведь это действительно важно — в какой-то мере придать собственным человеческим фантазиям Божественный облик. Те, кто совершенно неспособны правильно толковать, неизбежно учиняют насилие над священными книгами. Поистине, мы даже можем увидеть, как порой и самые мудрые и умелые толкователи заблуждаются настолько сильно, что, пренебрегая законами правильного толкования, они потворствуют своей изобретательности лишь ради нее самой. Мы также не полагаем, что допустимо и законно использовать сами по себе слова Священного Писания, чтобы вырвать из его контекста то, что кому-то по душе. Ведь вновь и вновь происходит то, что, цепляясь за слова и не обращая никакого внимания на образ повествования, характерный для священных авторов, подобные люди выражают нечто совершенно отличное от истинного смысла, который заложен у этих авторов. И если подобные люди продолжают использовать метафоры, когда контекст требует универсальных понятий, тогда они даже могут убедить себя в том, что некоторые из тех смыслов, что они сами и привнесли в священный текст, проистекают на самом деле из священных текстов.

Другая, более важная причина разногласия — пренебрежение к различиям между религией и богословием. Ведь если некоторые усваивают религии то, что прилично богословию, то несложно понять, что при этом будет вполне достаточно пространства для острейших разногласий во мнениях, и эти различия будут только еще более разрушительными, поскольку каждая из сторон в этой перебранке лишь с огромной неохотой отступит от того, что, по ее мнению, относится к религии. Тем не менее после работ

Эрнести<sup>3</sup>, Землера, Шпальдинга, Тельнера и других, совсем недавно достопочтенный Титман блестяще показал нам, что существует значительная разница между религией и богословием. Ибо, если мне позволят процитировать этого превосходного ученого, религия передается через учение, содержащееся в Писании, и учит тому, что каждому христианину надлежит знать, во что верить и что делать, чтобы обеспечить себе счастье в этой и грядущей жизни. Таким образом, религия — это ежедневное, кристально ясное знание. Богословие же утонченно, окружено свитой из различных дисциплин и к тому же выводится не только из Священного Писания, но и из других источников, особенно из сфер философии и истории. Таким образом, это область, тщательно разработанная человеческими науками и изобретательностью. Это также область, которая продвигается путем тщательного и разборчивого наблюдения, которая испытывает разнообразные изменения наравне с другими дисциплинами. Богословие занимается не только тем, что касается христианской религии, но также тщательно и полно объясняет все связанные с этим вопросы. Наконец, оно приготавливает пространство для диалектической основательности и строгости. Для обычного же человека религия не имеет ничего общего с подобным изобилием литературы и истории.

Но это печальное и неудачное различие во мнениях всегда было и, увы, всегда будет ассоциироваться с готовностью смешать совершенно различные вещи, например простоту того, что называется библейским богословием, с тонкостью богословия догматического. Хотя мне совершенно четко видится, что одно должно быть четче отделено от другого, чем это было принято до нынешнего времени. Что я хочу доказать, так это саму необходимость делать такое различие, а также метод, которым следует оперировать. Это то, что я решил изложить в этой моей короткой речи, насколько позволят мои слабые силы и насколько это вообще возможно. Поэтому, многуважаемые слушатели всех званий<sup>4</sup>, я молю вас о снисхождении. Даруйте мне свои внимательные уши и открытые сердца, и будьте столь любезны внимательно проследить за тем, как я отважусь рассмотреть эти невероятно важные материи. Я молю каждого из вас о внимании до тех пор, пока это необходимо, чтобы я мог излагать мою мысль настолько ясно, насколько возможно.

Есть библейское богословие, которое обладает историческим характером<sup>5</sup>. Оно передает, что священные авторы думали о Божественных материях. С другой стороны, существует догматическое богословие, которое обладает дидактическим характером. Оно учит тому, что каждый из богословов рационально философствовал о Божественных материях, по мере своих способностей или в зависимости от времени, эпохи, места, секты, школы и других сходных факторов. Библейское богословие, поскольку оно придерживается исторической аргументации, всегда находится в согласии с самими собой, когда рассматривается само по себе. Хотя даже библейскому богословию, если его тщательно разрабатывать в рамках какой-либо из дисциплин, одни

<sup>3</sup> Здесь и далее имена приведены в уже существующей в русскоязычной литературе форме.

<sup>4</sup> В немецком переводе Otto Merk оставляет латинскую аббревиатуру "A. O. O. H." — "auditores omnium ordium honorabiles". В английском переводе J. Sandys-Wunsch и L. Eldredge полностью переводят это обращение как "most honored listeners of all faculties". При переводе на русский нам видится целесообразным использовать слово «звание» как перевод латинского "ordo", что будет соответствовать наиболее универсальному обращению к аудитории, которое и предполагается в данной ситуации.

<sup>5</sup> Английский и немецкий переводы здесь разнятся. В немецком стоит: "Die biblische Theologie besitzt historischen Charakter". В английском: "There is truly a biblical theology, of historical origin". Немецкий перевод ближе к латинскому тексту и, с точки зрения Otto Merk, он точнее выражает идею Габлера, подчеркивая характеристику библейского богословия в сравнении с богословием догматическим. В мысли И. Габлера важно различать «историчность» догматического богословия, которая подразумевает развитие и изменчивость догматики, и «исторический характер» библейского богословия, который подразумевает, что богословские идеи облечены в форму, характерную для конкретной исторической эпохи, личности автора и проч. Зная об «историческом характере» библейского богословия, по мысли Габлера, можно методично восходить от исторически обусловленных форм к «чистому богословию».

могут придать одну форму, другие — другую. Догматическое же богословие подвержено множеству изменений — наравне со всеми остальными гуманитарными дисциплинами. Постоянное и непрерывное наблюдение в течение многих веков демонстрирует это в достаточной степени. Сколь сильно церкви ученых отличаются от первых начатков христианской религии, как много систем отцы Церкви упоминают сообразно с различием времен и мест! Ведь история учит нас тому, что у богословия есть хронология и география. Насколько схоластическое богословие Средних веков, покрытое толстым мраком варварства, отличается от богословия отцов! Даже после того, как свет учения о спасении пробился через эти тени, каждый спорный пункт в богословии был перенесен и в очищенную церковь, если говорить о социнианской и арминианской фракциях. Или если говорить только о Лютеранской церкви, то учение Хемница и Герхарда — это одно, учение Калова — другое, Музеуса и Байера — третье, отличное от Буддеуса, которое отлично от Пфаффа и Мосхайма, которое отлично от Баумгартена, которое отлично от Карпова, которое отлично от Михаэлиса и Хайльмана, которое отлично от Эрнести и Цахарие, которое отлично от Теллера, которое отлично от Вальха и Карпцова, которое отлично от Землера, которое, наконец, отлично от Дёдерлейна. Но священные авторы точно не столь изменчивы, чтобы суметь вместить все эти различные виды и формы богословских доктрин. Чего я при этом не хотел бы сказать, так это того, что все в богословии должно считаться неточным или сомнительным, или что все должно быть позволительно лишь по воле человека. Пусть все, что было сказано до этого момента, будет сведено к следующему: мы внимательно проводим границу между Божественным и человеческим, мы утверждаем некоторое различие между библейским и догматическим богословием, и после того, как мы отделили то, что в Священных книгах однозначно относится непосредственно к их собственной эпохе и к людям того времени, от тех чистых понятий, которые Божественное провидение хотело сделать характерными для всех времен и мест, мы положим эти чистые понятия в основу нашего философского рассмотрения религии и со вниманием определим задачи Божественной и человеческой мудрости. Именно таким образом наше богословие станет более точным и прочным, и ему будет нечего бояться яростных нападок его врагов. В свой поздний период профессор Цахарие делал это весьма умело, но мне навряд ли необходимо напоминать вам тот факт, что он оставил кое-что и другим, чтобы исправить, точнее определить и развить. Тем не менее все приходит к тому, что, с одной стороны, мы крепко держимся за верный метод, чтобы осторожно придавать форму нашим толкованиям священных авторов, а с другой, мы справедливо утверждаем использование этих толкований в догматике, а также собственные задачи самой догматики.

Итак, первой задачей в этом серьезнейшем деле будет тщательно собрать все священные идеи и, если они не выражены явно в Священном Писании, придать им форму путем сравнения одних отрывков с другими. Чтобы исполнение этого задания протекало продуктивно и чтобы ничего не делалось с излишним трепетом или, наоборот, с небрежением, необходимо во всех аспектах действовать со всякой предосторожностью и осмотрительностью. Прежде всего прочего необходимо учесть, что в Священных книгах содержатся не мнения одного человека, или одной эпохи, или религии. Хотя все священные авторы — святые люди, и они укреплены Божественным авторитетом, но не все свидетельствуют об одной форме религии. Некоторые — наставники в старом учении и приверженцы тех самых начал, которые Павел охарактеризовал как «начала вещественные» (Гал 4:3, 9. — *Д. Д., В. К.*). Другие же — приверженцы более нового и лучшего христианского учения. Таким образом, священные авторы, сколь бы ни должны мы были с равным почтением их делать в силу того Божественного авторитета, что запечатлел их писания, не могут быть рассмотрены в одной категории, если мы говорим об их употреблении в догматике. Я бы точно не предположил, что собственный, родной интеллект святого и его природный способ познания вещей упраздняются вдохновением. Наконец, по крайней мере на данный момент, необходимо исследовать лишь то, что же каждый из этих



людей думал о Божественных материях, и поскольку это можно установить без оглядки на Божественный авторитет, а непосредственно из их книг, я хочу, конечно, заметить, что мы, как представляется, не допустим ничего, чему бы не хватало доказательств. Я также считаю, что когда речь идет об использовании библейских идей в догматике, то не имеет значения, каким авторитетом были наделены писавшие, но важно то, что постигнутое ими при Божественном вдохновении четко передано, и что это постигнутое в конечном счете означало. В таком случае, если мы не хотим бесполезного труда, необходимо различать периоды Ветхого и Нового Заветов, каждого из авторов и каждую манеру изложения, которая используется как рефлексия времени и места, будь эта манера исторической, дидактической или поэтической. Если мы покинем этот прямой путь, хотя он труден и не приносит особого восторга, это может привести только к тому, что мы забредем в отступление и неясность. Поэтому нам надлежит тщательно и с особым вниманием собрать и классифицировать все идеи каждого из патриархов: Моисея, Давида и Соломона, и каждого из пророков: Исаи, Иеремии, Иезекииля, Даниила, Осии, Захарии, Аггея, Малахии и прочих. По многим причинам нам надлежит для этой цели использовать и апокрифы. Также стоит включить идеи из новозаветной эпохи, принадлежащие Иисусу, Павлу, Петру, Иоанну и Иакову. Главным образом этот процесс разделяется на две составляющие: одна — разумное и верное толкование отрывков, подходящих для такой процедуры; вторая — внимательное сопоставление идей всех священных авторов между собой.

Первое встречается со многими трудностями, ведь нам приходится учитывать не только лингвистическую проблематику использовавшегося тогда языка, который в Новом Завете как греко-еврейский, так и просторечный греческий того времени, но также и черты, характерные для каждого автора, например употребление конкретного значения, которым может обладать слово в конкретном месте, будь это значение более широким или узким. Нам также надлежит указывать причины такого расхождения в употреблении и объяснять, если возможно, общепотребительное значение, в котором несколько отдельных случаев значения данного слова соединяются вместе. Нам также приходится исследовать силу и содержание самого значения, что первично для идеи этого слова, а что просто добавлено к нему. Ведь настороженный толкователь не должен сразу же остановиться на первичной идее слова, но он должен идти дальше к вторичной идее, которая была добавлена к нему либо вследствие долгого использования, либо вследствие изобретательности, либо же научного употребления. И, действуя таким образом, несомненно, возможно допустить самые вопиющие ошибки. Не будем, цепляясь за топысы, изобретать новые догмы, о которых сами авторы никогда и не думали. Не только в пророческих или поэтических книгах, но также и в писаниях апостолов часто встречается неподходящее использование слов, которое объясняется либо избытком таланта автора, либо устоявшимся употреблением среди оппонентов, либо тем, что такое словоупотребление было характерно для первых читателей. До сих пор это преимущественно достигалось внимательным сопоставлением множества мнений одного автора, например Павла. Сопоставляя множество элементов и слов, мы сводим это множество к одной идее, ведь хотя данные элементы и выражены по-разному, но показывают одно и то же значение. Недавно Мор — великий человек, чья репутация служит ему памятником, — в выдающейся манере все это показал и пояснил. Наконец, необходимо отличать, говорит ли апостол от себя, или приводит слова других; движет ли им желание просто описать некоторое мнение, или действительно его доказать; и если он хочет сделать последнее, то воспроизводит ли он аргумент из самых основ учения о спасении, или из высказываний ветхозаветных книг, даже приспособляя их к восприятию первых читателей? Ведь хоть мнения апостолов и заслуживают нашего доверия, так что мы легко можем обойтись и без некоторой части их аргументации, первые читатели, тем не менее, хотели доказательств, которые подходили бы их собственному восприятию и суждению. Поэтому представляет особый интерес, предлагает ли апостол некое мнение как часть христианского учения, или подгоняет его под нужды времени, что должно считаться

просто посылкой, как это называется в логике. Если мы будем твердо придерживаться этих вещей, то мы действительно извлечем истинные священные идеи, характерные для каждого автора. Разумеется, не все идеи, поскольку не всему тому, что дошло до нас, нашлось место в книгах. Но по крайней мере те идеи, которые оформились в их душах благодаря случаю или необходимости записи. Тем не менее есть великое множество идей, которые были опущены, и, зачастую, такого свойства, что их несложно затем вывести, если они утверждают единичный аспект явно выраженного мнения или если они связаны с идеями, которые высказаны некоторым необходимым образом. Этот процесс, однако, требует значительной осторожности.

Теперь пришло время перейти к другой части задачи, а именно к внимательному и трезвому сравнению различных частей, относящихся к каждому из Заветов. Тогда вместе с Мором<sup>6</sup> — лучшим из людей — в качестве нашего проводника, каждое отдельное мнение должно оценить на наличие универсальных идей, особенно тех, которые очевидно прочитываются в той или иной части Священного Писания, но в соответствии с правилом: каждая идея согласуется со своей эпохой, своим Заветом, своей областью и собственным духом. Каждая из этих категорий, отличная в своем основании от других, должна содержаться отдельно. Если проигнорировать это предупредительное замечание, может случиться, что польза от универсальных идей уступит дорогу худшим вариантам повреждений истины, и она станет бесполезной, а вся проделанная работа по усердному выделению мнений каждого из авторов будет разрушена. Если же, однако, это сопоставление при помощи универсальных понятий устроено таким образом, что для каждого автора его работа остается нетронутой и четко выявлено, в чем другие авторы по-дружески согласны или отличны между собой, то, наконец, произойдет счастливое явление библейского богословия, чистого и без примесей, и мы наконец-то получим систему для библейского богословия, сходную с той, что Тидеман с такой оригинальностью разработал для стоической философии.

Когда эти мнения святых людей будут внимательно собраны из Священного Писания и подходящим образом классифицированы, внимательно соотнесены с универсальными понятиями, и их осторожно сравнят друг с другом, тогда может быть выгодно рассмотрен вопрос их догматического использования, а цели как библейского, так и догматического богословия могут быть корректно установлены. По данному разделу следует с великим усердием расследовать, какие мнения имеют отношение к неизменному завету христианского учения — и поэтому относятся непосредственно к нам, а какие адресованы только людям определенной эпохи или завета. Ведь среди всего прочего очевидно, что не все содержание Священного Писания предназначено для всех людей, но значительная часть этих книг, скорее по усмотрению Самого Бога, ограничена определенным временем, местом и типом человека. Кто, спрашиваю я, будет применять сегодня обряды Моисея, которые были отменены Христом, или совет Павла, чтобы женщины покрывали голову в церкви? Поэтому идеи Закона Моисея не предназначались для догматического использования ни Христом и Его апостолами, ни самим здравым смыслом. По таким же признакам мы должны исследовать, что в новозаветных книгах было высказано в качестве компромисса с идеями и нуждами первых христиан, а что было сказано применительно к неизменной идее учения о спасении. Мы должны исследовать, что в словах апостолов подлинно Божественное, а что, возможно, просто человеческое.

И теперь наиболее своевременно встает вопрос об основаниях и причинах богодуховности. Этот вопрос, по правде говоря очень сложный, по-моему, как минимум довольно некорректно выведен из высказываний апостолов (в которых они упоминают определенное Божественное вдохновение), поскольку эти отдельные отрывки весьма неясны и двусмысленны. Однако мы должны остерегаться, если хотим иметь дело с этими материями разумно, а не со страхом или предубеждением, и не выводить значения написанного у апостолов за справедливые пределы, особенно в связи

<sup>6</sup> Samuel Friedrich Nathanael Morus (1736–1792) — немецкий филолог и лютеранский богослов.

с тем, что только эффекты вдохновения, а не их причины воспринимаются чувствами. Но если я и могу судить о чем-то, то все должно быть достигнуто исключительно экзегетическим наблюдением, притом с неизменной осторожностью, и при сравнении с тем, что по этому поводу говорил и обещал наш Спаситель. Таким образом можно окончательно установить, являются ли какие-либо из мнений апостолов и все они вместе взятые подлинно Божественными, или же дело скорее состоит в том, что некоторые из них, которые не относятся к вопросу спасения, были оставлены их собственной изобретательности.

Таким образом, как только все это будет должным образом исследовано и внимательно классифицировано, то наконец чистое и священное Писание будет отображено из чтений, что ни на мгновение не вызывают никаких сомнений, и составлено из отрывков, которые подходят христианской религии во все времена. Эти отрывки недвусмысленно покажут образ веры, который подлинно Божествен, покажут, так скажем, *dicta classica*, которое можно затем положить в основание более утонченных догматических исследований. Ведь только подобными методами можно выделить надежные и несомненные универсальные идеи, лишь те идеи, что полезны в догматическом богословии. И если эти универсальные понятия выводятся надлежащим толкованием из *dicta classica*, а выведенные понятия внимательно сопоставляются, а сопоставленные понятия подходящим образом упорядочиваются, каждое на своем месте, так, чтобы надлежащие связи и доказуемый строй учений, что истинно Божественны, могли быть раскрыты, то поистине тогда результатом является библейское богословие в более строгом смысле этого слова, чем то, которому следовал, как известно, покойный профессор Цахарие при подготовке своей примечательной работы<sup>7</sup>. И наконец, если мы не хотим следовать неопределенным доводам, то только на этом прочно утвержденном основании библейского богословия, взятого в строгом смысле этого слова, как описано выше, мы и должны выстраивать догматическое богословие, адаптированное к нашему собственному времени. Однако природа эпохи срочно требует, чтобы мы безошибочно учили гармонии Божественной догматики и принципов человеческого здравого смысла. Тогда посредством искусства и изобретательности, благодаря которым это и возможно, давайте детально разработаем все до последней главы учения, так, чтобы ни в какой из частей не было недостатка ни в тонкости, будь то надлежащее упорядочивание отрывков или верное обращение с доводами, ни в изяществе во всем его величии, ни в человеческой мудрости, прежде всего в философии и истории. Поскольку догматическое богословие является по сути «христианской философией», то его система и образ должны быть разнообразными по причине вариативности как философии, так и всякой человеческой точки зрения на то, что является утонченным, ученым, подходящим и уместным, изящным и грациозным. В то же время при таком значительном изменении самих наук библейское

---

<sup>7</sup> Английский и немецкий переводы здесь разнятся. В немецком стоит: "...die biblische Theologie im engeren Sinn des Wortgebrauchs als der, wie wir wissen, der verstorbene Zahariä bei der Bearbeitung seines sehr bemerkenswerten Werkes gefolgt ist". В английском: "...biblical theology in the stricter sense of the word which we know the late Zacharie to have pursued in the preparation of his well-known work". Переводчики свидетельствуют, что латинский текст в этом месте довольно неясный. J. Sandys-Wunsch и L. Eldredge поясняют свой выбор внутренней логикой текста: в следующем предложении вновь используется словосочетание «в строгом смысле этого слова», но без противопоставления проф. Цахарие. Этот аргумент нам видится довольно спорным, поскольку повторно фраза используется с добавлением «как описано выше», что может, наоборот, подчеркивать, что Габлер настаивает на использовании своего усовершенствованного подхода, а не предшествовавшего ему. Кроме того, J. Sandys-Wunsch и L. Eldredge указывают на идейную зависимость Габлера от Цахарие в вопросе *dicta classica*, а потому здесь им видится больше уважительное упоминание, чем противопоставление. Otto Merk дискутирует с этой позицией, исходя из общего характера рассуждений И. Габлера, его идеи последовательного приумножения и развития богословского знания, а также его последующего научно-богословского наследия. Такой подход видится нам более оправданным, в связи с чем в переводе мы следуем немецкому тексту.

богословие остается неизменным, поскольку естественным образом имеет дело только с тем, что святые люди постигали в отношении материй, относящихся к религии, и что не измышлено по нашему усмотрению.

Коли все обстоит таким образом, то нам становится ясно, многоуважаемые слушатели всех званий, сколько нам еще предстоит потрудиться до полного усовершенствования богословских дисциплин, во всяком случае, если мы стремимся к достоверному учению. Но в процессе их выстраивания нам нужно придерживаться только правильного, достоверного пути и правильной, достоверной методики, которые приведут нас к высокой вершине совершенства, на которую богословские дисциплины способны возвести человека. Показать этот лучший, как мне видится, путь и тщательнее описать способ, подходящий для изложения подобных вещей, — это и было, конечно же, тем, что я хотел отразить в моей сегодняшней речи. Насколько успешно мне это удалось, судить вам.

### Источники и литература

1. Bautz — *Bautz F. W.* Gabler, Johann Philipp / Biographisch-Bibliographisches Kirchenlexikon URL: <https://www.bbkl.de/public/index.php/frontend/lexicon/G/Ga/gablerjohannphilipp-56539> (дата обращения: 14.01.2021).
2. Henke (1899) — *Henke E. L. T.* Gabler, Johann Philipp / Realencyklopädie für protestantische Theologie und Kirche. Bd 6 (Feldgeister — Gott). 3. Aufl. Hrsg. Albert Hauck. Leipzig: Hinrichs'she Buchhandlung, 1899. S. 326–327.
3. Merk (2015) — *Merk O.* Anmerkungen zu Gablers Altdorfer Antrittsrede / Wissenschaftsgeschichte und Exegese. Gesammelte Aufsätze 1998–2013. Bd 2. Berlin: De Gruyter, 2015. S. 138–161.
4. Merk (1984) — *Merk O.* Gabler, Johann Philipp / Theologische Realenzyklopädie. Bd. XII (Gabler — Gesellschaft). Berlin: De Gruyter, 1984. S. 1–3.
5. Mulzer — *Mulzer M.* Gabler, Johann Philipp / Deutsche Bibel Gesellschaft. URL: <https://www.bibelwissenschaft.de/wibilex/das-bibellexikon/lexikon/sachwort/anzeigen/details/gabler-johann-philipp-at/ch/95306a14b498acce0da9f6e1ab55a6b0/#h3> (дата обращения: 14.01.2021).
6. Sandys-Wunsch, Eldredge (1980) — *Sandys-Wunsch J., Eldredge L. J. P.* Gabler and the Distinction Between Biblical and Dogmatic Theology: Translation, Commentary, and Discussion of His Originality / *Scottish Journal of Theology*. 1980. Vol. 33(2). P. 133–158.
7. Sparn (2000) — *Sparn W.* Gabler, Johann Philipp / Religion in Geschichte und Gegenwart: Handwörterbuch für Theologie und Religionswissenschaft. Bd. 3 (F–H). 4. Aufl. Hrsg. v. H. D. Betz, D. S. Browning, B. Jankowski, E. Jüngel. Tübingen: Verlag J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 2000. S. 446–447.
8. Steitz (1878) — *Steitz G. E.* Gabler, Johann Philipp / Allgemeine Deutsche Biographie. Bd 8 (Friedrich I. von Sachsen-Altenburg — Gering). Leipzig: Duncker & Humblot, 1878. S. 294–296.